

ПРОЛЕТАРІИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

РАБОТНИКЪ

№№ 5-6

НЕПЕРІОДИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

Изданіе Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

ЖЕНЕВА
Типографія „Союза Русскихъ Соціальдемократовъ"
1899

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Рабочее движеніе за границей.

Хроника арестовъ.

хоть отчасти выяснены въ нашей легальной литературѣ*). Здѣсь же мнѣ хотѣлось указать на то, что составляло самый главный предметъ, святую святыхъ всей его умственной работы, начиная съ того времени, когда онъ впервые сбросилъ съ себя иго „абстрактнаго героизма“, и кончая послѣдними днями его многострадальной жизни. Этотъ главнѣйшій предметъ его умственной работы есть отрицаніе абстрактнаго, утопическаго иде-

*) Впрочемъ, я постараюсь характеризовать ее здѣсь въ немногихъ словахъ. Наши просвѣтители шестидесятыхъ годовъ, Чернышевскій, Добролюбовъ и др., смотрѣли на Бѣлинскаго, какъ на своего учителя въ дѣлѣ литературной критики. Они были совершенно правы, и я уже сказалъ, что Бѣлинскій во многихъ отношеніяхъ былъ ихъ предшественникомъ. Но изъ ихъ поля зрѣнія совершенно уходила другая сторона литературно-критической дѣятельности Бѣлинскаго, именно — его стремленіе освободить критическіе приговоры и сужденія отъ личныхъ вкусовъ и симпатій критика и поставить ихъ на объективную, научную почву. Это стремленіе было рѣзко выражено имъ уже въ статьѣ о Бородинской годовщинѣ. „Мы думаемъ и убѣждены, — говоритъ онъ тамъ, — что уже проходитъ въ нашей литературѣ время безотчетныхъ возгласовъ съ „ахами“ и восклицательными знаками и точками для выраженія глубокихъ идей безъ всякаго смысла; что проходитъ уже время великихъ истинъ, съ диктаторской важностью изрекаемыхъ, и ни на чемъ не основывающихся, ничѣмъ не подтверждающихся, кромѣ личнаго мнѣнія и произвольныхъ понятій мнимаго мыслителя. Публика начинаетъ требовать не мнѣній, а мысли... Мнѣніе опирается на случайномъ убѣжденіи случайной личности, до которой никому нѣтъ дѣла, и которая сама по себѣ очень неважная вещь; мысль опирается на самой себѣ, на собственномъ внутреннемъ развитіи изъ самой себя, по законамъ логики“. Тутъ Бѣлинскій еще обѣими ногами стоитъ на почвѣ Гегелевскаго идеализма. Но впослѣдствіи, напр., въ нѣкоторыхъ статьяхъ своихъ о Пушкинѣ, онъ, по крайней мѣрѣ, мѣстами покидаетъ идеалистическую почву и судитъ о нашемъ великомъ поэтѣ, разсматривая его какъ представителя лучшей, образованнѣйшей части нашего дворянства. Такая критика не похожа на критику шестидесятыхъ годовъ и совсѣмъ уже не имѣетъ ничего общаго съ „субъективной“ критикой нашихъ дней. Это зачатокъ научной критики, опирающейся на матеріалистическое пониманіе исторіи. Само собою разумѣется, что исторія литературныхъ взглядовъ Бѣлинскаго тѣснѣйшимъ образомъ связана съ общей исторіей его философскихъ воззрѣній. Здѣсь не мѣсто, однако, выяснять эту связь.

ала, стремленіе развить идею отрицанія, опираясь на закономѣрное развитіе самой общественной жизни. Съ этой стороны еще никто не смотрѣлъ на Бѣлинскаго, а она въ настоящее время важнѣе для насъ, чѣмъ всѣ остальныя. Вѣдь у насъ до сихъ поръ еще не кончилась борьба людей, старающихся обосновать свое отрицаніе на конкретной почвѣ, съ представителями и защитниками абстрактныхъ идеаловъ, этими донъ-Кихотами нашихъ дней.

Г. Плехановъ.

РАБОЧІЕ И ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ

Въ вышедшемъ съ годъ тому назадъ № 1-омъ газеты „Рабочая Мысль“ заявлялось, что брошюры, предназначаемыя для рабочихъ, потому такъ скучны, что пишутся онѣ интеллигентами; вышедшій на дняхъ № 4-ый наполовину написанъ интеллигентами. Хорошо-ли это или дурно? Радоваться-ли намъ по этому поводу или огорчаться?

Жалобы редакціи перваго номера были постольку справедливы, поскольку рѣчь шла объ описаніи быта и образа жизни рабочихъ: понятно, что объ этихъ вещахъ лучше, живѣе, интереснѣе могутъ написать люди, сами близко знакомые съ тою средою, которую они берутся описывать. Несомнѣнно, однако, что такого рода знаніями рабочіе не могутъ ограничиться: въ своей борьбѣ они нуждаются въ массѣ другого рода свѣдѣній, въ опытныхъ совѣтникахъ и руководителяхъ, и пока рабочая среда не выдѣляетъ изъ себя достаточнаго количества вполнѣ интеллигентныхъ людей, до тѣхъ поръ рабочее движеніе будетъ нуждаться въ интеллигентныхъ людяхъ изъ другихъ классовъ. Даже очень сильныя соціальдемократическія партіи, въ странахъ, гдѣ рабочее движеніе имѣетъ за своей спиной нѣсколько десятковъ лѣтъ, такихъ перебѣжчиковъ изъ привилегирован-

ныхъ слоевъ встрѣчаютъ съ распростертыми объятіями. Съ этой точки зрѣнія можно бы, слѣдовательно, поздравить редакцію „Рабочей Мысли“ съ тѣмъ, что она перемѣнила свой взглядъ на интеллигенцію, — если бы интеллигенція „Рабочей Мысли“, дѣйствительно, давала рабочимъ тѣ полезныя свѣдѣнія, въ которыхъ они нуждаются. Къ сожалѣнію, этого нельзя сказать о большинствѣ „писателей“ „Рабочей Мысли“.

Въ замѣткѣ подъ названіемъ „Во избѣжаніе недоразумѣній“ ред. № 4-го пытается опредѣлить свое отношеніе къ интеллигенціи и прежде всего считаетъ нужнымъ установить, что надо понимать подъ этимъ словомъ:

„Въ широкомъ смыслѣ подъ этимъ названіемъ идутъ представители „вольныхъ“ профессій: учителя, адвокаты, артисты, попы и др. Это междуклассовой элементъ; разсчитывать на этихъ господъ, вообще, такъ же не слѣдуетъ, какъ ждать отъ козла молока.

„Въ болѣе узкомъ (русскомъ) смыслѣ подъ интеллигентами подразумѣваются люди, не обученные никакому ремеслу и не получившіе спеціальнаго образованія (не сапожники, не портные, не адвокаты и т. д.), какихъ создаютъ въ изобиліи наши гимназіи, городскія училища и т. д. Эти „интеллигенты“ по какому-то грустному (или смѣшному) недоразумѣнію считаютъ себя какъ бы прирожденными революціонерами. Но не можемъ же мы подписываться подъ всякимъ недоразумѣніемъ.

„Дальше. Часто подъ кличкой „интеллигента“ идетъ учащаяся молодежь, — преимущественно университетская. Она оказываетъ намъ много существенныхъ услугъ: собираетъ деньги, хранитъ и передаетъ литературу и т. д. Но никогда не слѣдуетъ забывать, что — сегодня революціонеры — они завтра будутъ прокурорами, судьями, инженерами, фабричными инспекторами, словомъ, чиновниками русскаго правительства. Мы ничего не имѣемъ противъ того, чтобы молодые люди, — прежде, чѣмъ окунуться съ головой въ море грязи, которое ихъ ожидаетъ, — хоть годъ другой прожили человѣческой жизнью, и чувствовали, что они дѣлаютъ хорошее дѣло, и мы съ удовольствіемъ принимаемъ ихъ услуги, какъ и услуги другихъ нашихъ доброжелателей, — „интеллигентовъ“ или неинтеллигентовъ. Но всякое вмѣшательство въ наши дѣла, которое идетъ дальше указанныхъ услугъ, мы считаемъ, по меньшей мѣрѣ, неумѣстнымъ...

„Есть еще люди, которые также идутъ подъ кличкой интеллигента. Во всѣ времена встрѣчались отдѣльныя лица во всѣхъ общественныхъ классахъ, которыхъ — независимо отъ того, къ какому общественному классу они принадлежали — тянуло впередъ къ свободѣ, равенству. Есть такіе и въ наше время. Правильнѣе назвать ихъ идеологами. (Бебель назвалъ ихъ очень мѣтко „бѣлыми воронами“).

„Сверхъ того, у насъ есть своя, такъ-наз. рабочая интеллигенція. Это знаетъ всякій, кто знакомъ съ рабочимъ движеніемъ на дѣлѣ. Кого интересуетъ сильнѣе вопросъ объ отношеніи интеллигенціи къ соціализму, тѣмъ мы рекомендуемъ брошюру Бебеля „Академики и соціализмъ“, которая издается нами нарочно для учащейся молодежи“.

Прежде всего русская учащаяся молодежь могла бы покорнѣйше поблагодарить господъ редакторовъ за предлагаемую ей брошюру Бебеля. Брошюра хорошая, — нечего сказать, но если русскимъ рабочимъ скучно читать брошюры, написанныя русскими же интеллигентами, то русскіе интеллигенты, хотя скучать, быть можетъ, и не будутъ, но навѣрное найдутъ, что не для нихъ сказка сказана. Что въ самомъ дѣлѣ можетъ быть общаго между нѣмецкимъ обуржуазившимся студентомъ, для котораго годы идеальныхъ мечтаній лежатъ далеко позади, еще за 1848 годомъ, и русскимъ мыслящимъ пролетаріемъ, котораго гнететъ нужда и давитъ сильная лапа самодержавія?

Поэтому, еслибъ редакція выкинула изъ своей замѣтки первые три пункта, а къ четвертому прибавила, что „идеологами“ или „бѣлыми воронами“ въ Россіи при данныхъ историческихъ условіяхъ являются всѣ *искренніе революціонеры*, спорить было бы не съ чѣмъ.

Но не такъ обстоитъ дѣло. Пунктъ первый замѣтки утверждаетъ, что на представителей вольныхъ профессій (учителей, адвокатовъ, артистовъ, поповъ и др.) разсчитывать нельзя. Что, однако, должно означать „это „нельзя разсчитывать“? То-ли, что этимъ людямъ такъ хорошо живется, что въ борьбѣ рабочаго класса имъ не мѣсто, или же, что рабочій классъ вообще не можетъ ждать отъ нихъ пользы? То и другое невѣрно. Масса городскихъ и сельскихъ учителей живетъ въ такой же страшной бѣдности, работаетъ въ такихъ же тяжелыхъ условіяхъ, какъ и многіе фабричные пролетаріи. Австрійскіе соціальдемократы не только съумѣли привлечь къ себѣ симпатіи тысячъ этихъ жалкихъ паріевъ, но и вовлекли ихъ въ свои ряды тѣмъ, что выступили на защиту свѣтской школы противъ духовной и вездѣ поддерживали народныхъ учителей въ ихъ борьбѣ за улучшеніе своего положенія.*) А съ другой стороны, развѣ не изъ представителей вольныхъ профессій набираются всѣ эти люди, устраивающіе въ городахъ воскресныя школы, вечерніе классы и т. п.? Развѣ рабочимъ такъ-таки не нужны тѣ знанія, которыя они тамъ получаютъ?

При русскихъ условіяхъ, при страшномъ гнетѣ самодержавія, при реакціонности промышленной буржуазіи, рабочій классъ могъ бы привлечь на свою сторону всѣ слои, не живущіе непосредственно эксплуатаціей трудящихся. Очень немногіе войдутъ въ рабочую партію, но до поры до времени всѣ они видѣли бы въ соціалистической партіи не только своихъ союзниковъ, но и своихъ вождей.

*) Не слѣдуетъ также забывать, что, кромѣ учителей учащихъ, есть учителя, не находящіе приложенія своимъ силамъ, въ виду того, что и государственные и земскіе бюджеты удѣляютъ лишь жалкіе крохи на народное образованіе.

Пунктъ второй говоритъ объ интеллигентахъ, необученныхъ никакому ремеслу и не получившихъ спеціальнаго образованія, по недоразумѣнію считающихъ себя „какъ бы прирожденными революціонерами“. По недоразумѣнію-ли? Въ такомъ случаѣ всю русскую исторію за послѣднія 30-40 лѣтъ надо признать сплошнымъ недоразумѣніемъ. Недоразумѣніемъ были Чернышевскій и Добролюбовъ, недоразумѣніемъ было все революціонное движеніе 70-хъ годовъ, хожденіе въ народъ, „Земля и Воля“, „Народная Воля“? И если мы припомнимъ, что большинство нашихъ интеллигентныхъ революціонеровъ дѣйствительно не было обучено никакому ремеслу и не получило спеціальнаго образованія („недоучившимися мальчишками“ называла ихъ реакціонная печать), то намъ придется признаться, что недоразумѣніе это пустило очень глубокіе и широкіе корни. Было время, когда русскому интеллигенту стыдно было не быть революціонеромъ, и если теперь этого нѣтъ, то мы думаемъ, что недоразумѣніе не прекратилось, а именно началось. Да! До поры до времени русскій интеллигентъ — прирожденный революціонеръ, прирожденный протестантъ противъ современнаго соціальнаго строя. И еслибы это прекратилось, то не рабочимъ пришлось бы этому радоваться, такъ какъ „необученный никакому ремеслу и не получившій спеціальнаго образованія“ интеллигентъ въ дѣйствительности есть пролетарій, кое-чему научившійся. Что эта наука можетъ пригодиться рабочимъ, въ этомъ не сомнѣвается, вѣроятно, и редакція „Рабочей Мысли“.

Наконецъ, въ пунктѣ 3-мъ указываются интеллигенты, оказывающіе намъ много существенныхъ услугъ, противъ чего редакція ничего не имѣетъ, но предупреждаетъ, что эти люди завтра будутъ судьями, прокурорами и т. д. Редакція, конечно, очень милостива, принимая услуги этихъ блудныхъ овецъ, но почему она такъ заботливо относится къ завтрешнему дню? Про

людей, оказывающихъ *сегодня* много существенныхъ услугъ рабочему движенію, мы слышали, что *завтра* они попадаютъ въ тюрьмы, въ Сибирь, на каторгу. Отсюда до прокурора не очень далеко, но совершенно въ другомъ смыслѣ, чѣмъ это полагаетъ „Рабочая Мысль". А если эти люди, выйдя изъ тюрьмы или вернувшись изъ ссылки, пожелаютъ успокоиться на тепломъ мѣстечкѣ, то это *завтра* такъ далеко, что можно, право, *сегодня* спросить: „а какое намъ до этого дѣло?" Знаемъ-ли мы, что ждетъ завтра самихъ насъ, и во что превратятся вороны (бѣлыя или сѣрыя), каркающія на столбцахъ „Рабочей Мысли"?

Мы не пишемъ панегирика интеллигенціи. Интеллигенція часто ошибалась, но ошибалась она искренно и своею общественною дѣятельностью расчистила путь рабочему движенію. Что касается спеціально рабочаго движенія, то мы, конечно, желаемъ ему полной самостоятельности и независимости, но, какъ мы видѣли, безъ помощи интеллигенціи обойтись теперь рабочимъ нѣтъ возможности. Имъ указываютъ на бѣлыхъ вороновъ, но какъ ихъ въ самомъ дѣлѣ отличишь отъ сѣрыхъ: вѣдь при царящей въ Россіи тьмѣ такъ легко ошибиться! Вообще въ общественной жизни происходитъ то же самое, что и въ личной: чѣмъ самостоятельнѣе человѣкъ, тѣмъ менѣе боится онъ посягаnій со стороны другихъ на его самостоятельность и тѣмъ охотнѣе онъ готовъ спросить совѣта у болѣе опытныхъ и знающихъ людей съ тѣмъ, конечно, чтобы принять тотъ совѣтъ, который *ему* покажется наиболѣе разумнымъ. Главная опасность русскаго рабочаго движенія — въ недостаткѣ знанія, а не въ претензіи интеллитовъ на руководство движеніемъ.

Лучшимъ доказательствомъ этому служатъ сами вороны изъ „Рабочей Мысли". Онѣ вѣдь тоже хотятъ руководить движеніемъ, но смуту сѣютъ въ головахъ рабочихъ невозможную.

Начнемъ хотя бы съ передовой статьи.

„Намъ заданъ вопросъ: зачѣмъ и какъ организоваться? — Зачѣмъ?... Да хоть затѣмъ, чтобы въ будущемъ не задавать подобныхъ вопросовъ"...

Такъ авторъ передовицы. Организоваться надо затѣмъ, чтобы не спрашивать. Неправда-ли, вамъ это напоминаетъ окрикъ папаши на ребятъ, пристающихъ къ нему съ вопросами: почему да отчего? Папаша самъ не въ состояніи отвѣтить на заданные вопросы, но признаться въ этомъ не хочетъ, чтобы не потерять своего авторитета.

О какого рода организаціяхъ идетъ рѣчь у автора передовицы, мы не узнаемъ. Такъ какъ ниже говорится о стачкахъ, о боевыхъ кассахъ, то можно догадаться, что рѣчь идетъ о профессіональныхъ организаціяхъ;— поэтому и мы позволимъ себѣ нѣсколько на нихъ остановиться.

Европейскій рабочій видитъ въ профессіональной организаціи средство для борьбы съ предпринимателями за улучшеніе условій своей жизни. Чтобы быть успѣшной, такая борьба требуетъ цѣлесообразнаго руководительства, знакомства съ положеніемъ рабочаго рынка и полной, очень полной кассы. Профессіональные союзы поддерживаютъ безработныхъ, блюдутъ за точнымъ исполненіемъ законовъ о рабочихъ и фабричныхъ правилъ, ведутъ переговоры съ хозяевами и проч. Наконецъ, такъ какъ рабочій вопросъ не есть исключительно вопросъ желудка, такъ какъ рабочее движеніе имѣетъ, между прочимъ, цѣлью поднять человѣчество на высшую ступень культуры, то не приходится забывать и о культурныхъ задачахъ этихъ организацій: о пріученіи къ самоуправленію, къ демократическому веденію общественныхъ дѣлъ и т. п.

Стоитъ лишь перечислить эти задачи, чтобы понять, что тайная организація никогда не можетъ достигнуть такой силы, чтобы съ успѣхомъ справиться хоть съ частью этихъ задачъ. Но если наша работа сведется даже только къ организаціи небольшихъ кружковъ изъ передовыхъ рабочихъ одного или нѣсколькихъ фабрикъ и заводовъ, то она все-таки будетъ имѣть громадное

революціонное значеніе: каждый такой кружокъ, каждая такая группа явится той ячейкой, около которой будетъ группироваться остальная неорганизованная масса, и изъ которой въ будущемъ возникнутъ болѣе обширныя организаціи. Въ настоящемъ, — это болѣе моральная, чѣмъ матеріальная сила, и при существующихъ условіяхъ эти организаціи будутъ больше заниматься политикой, чѣмъ профессіональными вопросами.

Авторъ передовицы думаетъ, однако, иначе. Онъ увѣряетъ насъ, что „дѣло современныхъ вольнонаемныхъ рабочихъ на Западѣ началось съ того же, что и у насъ. Тѣ же условія, та же жизнь, тѣ же послѣдствія“...

Къ сожалѣнію, это не совсѣмъ такъ. Конечно, дѣло рабочихъ на Западѣ началась съ того же, что и у насъ, т. е. съ нуля. Была эпоха — и такая эпоха была вездѣ — когда класса вольно-наемныхъ рабочихъ совсѣмъ не было и не было, слѣдовательно, рабочаго движенія. Но когда рабочее движеніе начиналось, оно начиналось не вездѣ при одинаковыхъ условіяхъ. Такъ, напр., въ Англіи рабочее движеніе началось черезъ сто лѣтъ слишкомъ послѣ буржуазной революціи; во Франціи рабочее движеніе начало выступать на сцену лишь въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія, а въ Германіи оно принимаетъ опредѣленную форму лишь послѣ революціи 48-го года. Уже одно это обстоятельство, а именно то, что понадобилась буржуазная революція для того, чтобы рабочее движеніе отъ кружковъ подмастерьевъ и ремесленниковъ перешло въ настоящую стадію своего развитія, должно было бы заставить призадуматься нашего автора. Эта революція (хотя и буржуазная) доставила всему населенію тѣхъ странъ (значитъ, и рабочимъ, а не только фабрикантамъ, купцамъ и банкирамъ) свободу личности, свободу слова, свободу передвиженія и проч. Правда, въ эпохи смутныя, въ эпохи обостренія борьбы между двумя классами, сильный классъ пользовался своею властью для того, чтобы въ свою пользу истолковать законъ (какъ это случалось въ Англіи) или совершить беззаконіе (какъ это бывало

на континентѣ). Но это были эпохи преходящія, и даже въ эти тяжелые дни угнетенные имѣли возможность аппелировать къ общественному мнѣнію, могли сами организоваться и влiять на своихъ отсталыхъ товарищей.

Такъ, при первомъ своемъ появленіи англійскіе трэдъ-юніоны не преслѣдовались. Гоненія начались лишь позже, а именно въ началѣ нашего столѣтія. Но вотъ что говорятъ объ этой эпохѣ (1800-1824 гг.) авторы лучшей до сихъ поръ исторіи трэдъ-юніоновъ, супруги Веббъ:

„Историки трэдъ-юніонскаго движенія, слѣдуя традиціи, представляютъ періодъ до 1824 г. эпохой непрекращающихся преслѣдованій и постоянныхъ запрещеній. Каждый союзъ, который можетъ похвалиться болѣе, чѣмъ полувѣковымъ существованіемъ, имѣетъ свою романтическую легенду о первыхъ дняхъ своего существованія. Полуночныя собранія патріотовъ среди полей, зарытый ящикъ съ документами, тайная присяга, продолжительное тюремное заключеніе руководящихъ личностей, — все это находится въ сказаніяхъ болѣе старыхъ профессіональныхъ союзовъ и образуетъ матеріалъ, изъ котораго въ эпоху, не просвѣщенную историческимъ критицизмомъ, легко могла бы создаться полумиѳическая сказка. При болѣе точномъ изслѣдованіи вопроса о томъ, какое вліяніе фактически оказалъ на трэдъ-юніоны законъ о запрещеніи всѣхъ союзовъ наемныхъ рабочихъ, законъ, существовавшій въ Соедин. Королевствѣ до 1824 г., мы увидимъ, что за легендой кроется доля истины. Но мы найдемъ, что нѣкоторые рабочіе союзы были во всякое время признаваемы закономъ, что многимъ другимъ только отъ времени до времени ставились препятствія“...

И въ другомъ мѣстѣ, относящемся къ той же эпохѣ.

„Не слѣдуетъ, однако, предполагать, что каждый рабочій союзъ подвергался преслѣдованіямъ, или что

вождь трэдъ-юніона той эпохи проводилъ всю свою жизнь въ тюрьмѣ. Благодаря крайне недостаточной организаціи англійской полиціи и отсутствію государственной прокуратуры, союзы оставались неприкосновенными, пока какой-нибудь предприниматель, выведенный изъ терпѣнія ихъ дѣятельностью, самъ на свой страхъ не начиналъ хлопотать о примѣненіи закона".

Но важнѣе всего то, что краткіе эпизоды преслѣдованій происходили совсѣмъ на другой почвѣ, чѣмъ въ несвободныхъ странахъ: благодаря свободѣ слова и сходокъ, рабочіе могли устраивать съѣзды, агитировать въ печати и въ нѣсколько лѣтъ избавиться отъ закона, стоявшаго имъ на пути.

А какъ было дѣло въ Германіи? Безформенная, неорганизованная борьба рабочихъ происходила тамъ и до революціи 1848 г. Рабочіе разбивали машины, жгли фабрики, убивали непріятныхъ имъ управителей. Иногда, какъ это было въ Берлинѣ, гдѣ рабочіе были болѣе развиты, стачки принимали болѣе мирный характеръ, и рабочимъ удавалось добиваться временныхъ уступокъ. Но это было только кое-гдѣ и кое-когда, а вообще государство расправлялось съ рабочими тѣми самыми „средствіями", какими нынѣ расправляется россійскій царь и его прислужники. А вотъ что произошло послѣ 1848 года:

„Среди рабочихъ города Берлина — разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ бывшій наборщикъ Стефанъ Борнъ, одинъ изъ вождей тогдашняго рабочаго движенія — машиностроители и типографщики составляли передовой, чтобы не сказать аристократическій элементъ... Типографщики прежде всѣхъ другихъ рабочихъ стали требовать повышенія заработной платы. Я присутствовалъ на ихъ первомъ собраніи, они выбрали меня предсѣдателемъ и президентомъ особой коммиссіи. Ихъ требованія были крайне справедливы, и *характерно для того времени, что понадобилась политическая революція, прежде чѣмъ можно было подумать о выставленіи этихъ требованій* (курсивъ нашъ). Безъ этой революціи вмѣшалась бы полицейская власть, предложеніе тарифа, поддерживаемаго угрозой стачки, не было бы дозволено, какъ мѣра, опасная для государства. Вождей рабочихъ просто судили бы, какъ „сѣятелей смуты", и въ лучшемъ случаѣ они отдѣлались бы изгнаніемъ".

И не только для правильной организаціи стачекъ понадобилась революція: безъ нея невозможенъ былъ никакой общій планъ дѣйствія, никакая общая организація, охватывающая хоть сколько-нибудь значительное число рабочихъ изъ разныхъ городовъ, никакая общая программа дѣйствія, а послѣ революціи, въ концѣ августа 1848 года, могъ собраться въ Берлинѣ первый германскій рабочій конгрессъ.

Но нашего автора всѣ эти факты не убѣждаютъ. Вырвавши изъ исторіи рабочаго движенія нѣсколько эпизодовъ, онъ думаетъ, что доказалъ свою мысль (а чего нельзя доказать подобными отрывками?) и патетически восклицаетъ:

„Нѣтъ! довольно той лжи, по которой рабочее движеніе оттого развивается, что уже на лицо политическая свобода... Нѣтъ! настоящая свобода оттого развивается, что рабочіе двинулись и неудержимо стремятся впередъ! Истина въ томъ, что всякая стачка, всякая касса, всякій рабочій союзъ только тогда становится законнымъ, когда сталъ уже дѣломъ обычнымъ, когда — запрещай его или дозволяй — все равно, ничего не подѣлаешь. Законъ дѣйствующій — это вѣдь лишь запись современныхъ житейскихъ взаимныхъ отношеній. Сила закона — сила обычая. Съумѣть сдѣлать обычнымъ — значитъ сдѣлать законнымъ".

Паѳосъ автора, можно сказать, тутъ совершенно излишенъ: онъ или борется съ тѣнями или гонится за собственной тѣнью. Мы согласны, что „довольно той

лжи, по которой рабочее движеніе оттого развивается, что уже на лицо политическая свобода“, и можно смѣло сказать: нѣтъ въ Россіи въ настоящее время ни одной революціонной группы, которая бы не была съ этимъ согласна. Нынче революціонеры склонны думать наоборотъ, что политическая свобода въ Россіи явится слѣдствіемъ развитія рабочаго движенія и роста его классового самосознанія. Теоретическій основатель русской соціальдемократіи, Г. В. Плехановъ, въ одномъ изъ лучшихъ своихъ произведеній, именно въ „Нашихъ Разногласіяхъ“, вышедшихъ въ 1885 г., говоритъ:

„Но соціалисту нужно подумать прежде всего о томъ, чтобы революція была полезна для трудящагося населенія его страны.... Мы замѣтимъ, что рабочій классъ извлечетъ тѣмъ большую пользу изъ своей политической борьбы, чѣмъ яснѣе будетъ для него связь между его экономическими нуждами и политическими правами. Въ „западно-европейскихъ“ странахъ пролетаріатъ очень часто боролся противъ абсолютизма подъ знаменемъ и подъ верховнымъ руководствомъ буржуазіи. Отсюда являлась умственная и нравственная зависимость его отъ вожаковъ либерализма, вѣра въ исключительную святость либеральныхъ девизовъ, убѣжденіе въ неприкосновенности буржуазнаго порядка. Въ Германіи понадобилась вся энергія и все краснорѣчіе Лассаля, чтобы только *подорвать* духовную связь рабочихъ съ прогрессистами. Наше „общество“ лишено такого вліянія на рабочій классъ, и соціалистамъ нѣтъ ни нужды, ни выгоды создавать его за-ново. Они должны указать рабочимъ ихъ собственное, рабочее знамя, дать имъ вожаковъ изъ ихъ собственной, рабочей среды, короче, должны позаботиться о томъ, чтобы не буржуазное „общество“, а тайныя рабочія организаціи пріобрѣли господствующее вліяніе на умы рабочихъ. Этимъ въ значительной степени ускоряется и ростъ русской рабочей соціалистической партіи, которая

сумѣетъ завоевать себѣ почетное мѣсто среди другихъ партій, послѣ того какъ она еще въ пеленкахъ способствовала паденію абсолютизма и торжеству политической свободы“.

Нельзя также считать безусловно вѣрнымъ и слѣдующее изрѣченіе автора передовицы: „Всякая стачка, всякая касса, всякій рабочій союзъ только тогда становится законнымъ, когда сталъ уже обычнымъ....“ Если повѣрить сторонникамъ этой самоновѣйшей теоріи, законы въ государствѣ составляются слѣдующимъ образомъ: люди втеченіе долгаго времени дѣлаютъ то, что фактически запрещено; первоначально это преслѣдуется, но затѣмъ чиновники привыкаютъ къ такому беззаконію, наступаетъ бездѣйствіе власти, а затѣмъ преподносится и законъ, дозволяющій то, что прежде было запрещено. Однако, столь милые сердцу нашего автора англійскіе рабочіе поступали не такъ: коль скоро недостатки какого-нибудь закона становились для нихъ чувствительными, они начинали агитацію по всей странѣ, созывали конгрессы, собирали митинги, вели пропаганду въ печати и собраніяхъ, привлекая вниманіе не только отсталыхъ слоевъ рабочаго населенія, но и другихъ классовъ населенія, и въ особенности парламента. Всѣ разговоры о томъ, что англійскіе рабочіе не занимаются политикой, вѣрны лишь въ томъ смыслѣ, что англійскіе рабочіе не образовали самостоятельной рабочей партіи, а силой своего вліянія заставляли то ту, то другую изъ буржуазныхъ партій проводить свои требованія, при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что сила эта прямо пропорціональна объему политическихъ и личныхъ свободъ, которыми пользуются англійскіе рабочіе. Что на континентѣ Европы рабочіе образовали самостоятельныя политическія партіи, борющіяся въ парламентахъ и внѣ ихъ за новые лучшіе законы, мы думаемъ, всѣмъ извѣстно.

Политическая борьба, уже начатая русскими рабочими, должна только принять организованный харак-

теръ и выработать свойственные ей формы и методы. Стачки играли и будутъ еще играть въ Россіи свою роль революціоннаго воспитанія болѣе отсталыхъ массъ, не сознающихъ еще противоположности интересовъ своихъ и капиталистовъ. Можно, однако, тутъ же прибавить, что даже и этого воспитанія не совершила бы стачка, еслибы вслѣдъ за стачкой не появлялась прокламація (часто писанная и печатанная интеллигентами), объяснявшая значеніе только-что оконченной борьбы. Но передовымъ рабочимъ надо сдѣлать и дальнѣйшій шагъ и организоваться въ политическую партію, представляющую и защищающую интересы рабочихъ не того или другого завода или даже цѣлаго города, а всего русскаго пролетаріата. Разъ ставшимъ на эту точку зрѣнія передовымъ рабочимъ пришлось бы выработать свою соціально-политическую программу, начать агитацію въ пользу своихъ ближайшихъ требованій, и такимъ путемъ привлечь на свою сторону массу индифферентныхъ рабочихъ и нерабочихъ.

Вернемся, однако, къ нашему автору. „Раб. Мысль“ даетъ такую характеристику петербургскихъ рабочихъ: одна часть борется съ современнымъ строемъ, другая погружена въ семейныя нужды и молча все переноситъ, третьи сознаютъ, хотя смутно, свое положеніе, но боятся за свою шкуру, видя силу хозяевъ и правительства и мало вѣря въ силы рабочихъ. Позволительно спросить, согласны-ли эти третьи, боящіеся за свою шкуру, съ авторомъ передовицы, будто „довольно той лжи, по которой рабочее движеніе отъ того развивается, что уже на лицо политическая свобода“? И не думаетъ-ли авторъ, что при политической свободѣ эти-то, навѣрное, вошли бы въ ряды рабочей партіи? И нѣтъ-ли, такимъ образомъ, хоть доли правды въ этой лжи?

„Законъ дѣйствующій — это вѣдь лишь запись современныхъ житейскихъ отношеній“, хочетъ увѣрить насъ Лассаль въ реакціонной шкурѣ. Странно только послѣ этого, зачѣмъ авторъ зоветъ рабочихъ на

борьбу; не лучше-ли сидѣть сложа руки и ждать, пока измѣнятся „житейскія отношенія“? Законъ уже потому не можетъ быть записью „житейскихъ отношеній“, что отношенія эти включаютъ въ себѣ, между прочимъ, и борьбу, чего законъ записать не можетъ. Въ нашемъ мірѣ, гдѣ все течетъ, все измѣняется, измѣняются и „житейскія отношенія“; поэтому, если законъ ихъ „записалъ“, то сдѣлалъ онъ это по своей крайней ограниченности, ибо пока дѣлалась запись, жизнь мѣнялась, а съ ней вмѣстѣ и „житейскія отношенія“. Законъ, изданный 20 лѣтъ тому назадъ, не выражалъ „житейскихъ отношеній“ уже черезъ годъ послѣ своего рожденія, а тѣмъ паче нынче. Русскому самодержавію можетъ быть будетъ очень пріятно убѣдиться, что оно выражаетъ „современныя житейскія взаимныя отношенія“, но удивительно, какъ такія мысли попали въ органъ петербургскихъ рабочихъ.

Тому же автору, очевидно, принадлежитъ статья за подписью „Ученикъ жизни“. Можно сказать, что вся его бѣда въ томъ и состоитъ, что учился-то онъ мало, и изъ книгъ мало, а изъ жизни и того меньше. Какъ „ученикъ жизни“, онъ боится всякихъ принципіальныхъ задачъ рабочаго движенія. Все „дѣло въ томъ, чтобы работать и жить“. Русскому рабочему можно сжечь свои книги! Научная критика предлагаемыхъ ему соціально-политическихъ программъ излишняя роскошь: пусть онъ слѣдуетъ жизни! А если жизнь будетъ бить васъ по всѣмъ фибрамъ души вашей, то удалитесь въ укромное мѣстечко и займитесь успокоеніемъ нечистой совѣсти русскаго самодержавія, — что, молъ, и въ свободныхъ странахъ, въ Англіи, въ Бельгіи не лучше, чѣмъ у насъ. Безспорно, жизнь — великій учитель, и въ концѣ-то концовъ она выведетъ рабочій классъ на настоящій, правильный путь, но развѣ необходимо отдѣльнымъ представителямъ рабочаго класса, можетъ быть, цѣлому поколѣнію, пережить всѣ тѣ удары, которые соблаговолитъ преподнести намъ жизнь, не освѣщенная свѣтомъ знанія?

Конечно, не то знаніе, которое вырываетъ отрывки изъ исторіи рабочаго движенія и придаетъ имъ такое толкованіе, какое въ дѣйствительности оттуда не слѣдуетъ. И не то знаніе, которое ложно передаетъ факты, какъ это сдѣлалъ г. Храмовъ, разсказавшій читателямъ „Раб. Мысли", что на штуттгартскомъ съѣздѣ германскихъ соціальдемократовъ шелъ споръ между сторонниками политической и экономической борьбы, чего на самомъ дѣлѣ не было, или другой корресподентъ, разсказавшій намъ о томъ, какъ французская буржуазія дрожала, узнавши о съѣздѣ гэдистовъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ правда то, что французская буржуазія занята была дѣломъ Дрейфуса и совершенно не думала о гэдистахъ.

Если мы скажемъ, что послѣ этихъ писаній господъ изъ „интеллигенціи", отдыхаешь душой при чтеніи безхитростныхъ и безыскуственныхъ корреспонденцій, написанныхъ рабочими, то надѣемся, никто не увидитъ въ этомъ заигрыванія съ представителями ручного труда и науськиванія на представителей умственнаго труда. Мы лишь воздаемъ каждому свое и, повторяя уже высказанную мысль, что русскій рабочій можетъ и долженъ идти рядомъ съ революціонной интеллигенціей, мы пожелаемъ только, чтобы среди этой интеллигенціи было поменьше родственниковъ Митрофана Простакова.

Въ заключеніе считаемъ умѣстнымъ напомнить слѣдующія строки изъ „Коммунистическаго Манифеста".

„Соціалистистическая и коммунистическая французская литература, возникшая подъ давленіемъ буржуазнаго господства и служившая литературнымъ выраженіемъ борьбы противъ этого господства, проникла въ Германію въ то время, когда тамошняя буржуазія только-что начала свою борьбу противъ феодальнаго абсолютизма.

„Нѣмецкіе мудрецы, философы и полуфилософы, съ жадностью набросились на эту литературу и забыли лишь то, что французскія отношенія не были перенесены въ Германію вмѣстѣ съ европейской литературой.

„Нѣмецкій соціализмъ весьма кстати забывалъ, что французская критика, неразумнымъ отголоскомъ которой онъ явился, имѣетъ въ виду современное буржуазное общество, съ соотвѣтствующими ему экономическими отношеніями и политической организаціей, т. е. именно тѣ общественныя условія, о завоеваніи которыхъ только еще идетъ рѣчь въ Германіи....

„Нѣмецкимъ абсолютнымъ правительствамъ, со всею ихъ свитою поповъ, школьныхъ учителей, помѣщиковъ и бюрократовъ, онъ (т. е. „истинный" соціализмъ) служилъ очень удобнымъ пугаломъ противъ буржуазіи съ ея грозными требованіями.

„Онъ представлялъ собою пріятное дополненіе къ непріятнымъ расправамъ съ помощью пуль и плетей, которыми тѣ же правительства подавляли возстанія нѣмецкихъ работниковъ". —

Мы рекомендуемъ это мѣсто благосклонному вниманію всѣхъ „учителей" и „учениковъ" жизни.

Д. Кольцовъ.

ПО ПОВОДУ НОВАГО НАРОДНАГО БѢДСТВІЯ.

I

Спѣшу предупредить читателя, во избѣжаніе недоразумѣнія. Я намѣренъ бесѣдовать съ читателемъ не о какомъ-нибудь новомъ, невиданномъ и не испытанномъ до сихъ поръ русскимъ народомъ несчастіи или горѣ, а наоборотъ, о такомъ бѣдствіи, которое уже неоднократно обрушивалось на него со всѣми своими тяжелыми послѣдствіями. Если я называю его новымъ, то только въ томъ смыслѣ, что поводомъ для бесѣды о немъ послужило для меня новѣйшее его изданіе. Я